

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОЦИАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается роль русских фразеологизмов, связанных с социальной сферой, как лингвокультурных маркеров, которые отражают исторические, идеологические и этические особенности национального менталитета. Анализируется двойственная функция устойчивых выражений: фиксация социальных иерархий через пространственные метафоры («верх/низ»), а также аксиологическое кодирование коллективизма («всем миром») и фатализма («от судьбы не уйдешь»).

Ключевые слова: фразеология, лингвокультурология, социальное состояние, русский язык, культурные стереотипы.

Sun Fengping, Samara University

LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING SOCIAL CONDITION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This article examines the role of Russian phraseological units related to the social sphere as linguocultural markers that reflect historical, ideological and ethical features of the national mentality. The dual function of set expressions is analyzed: fixation of social hierarchies through spatial metaphors (“top/bottom”), as well as axiological coding of collectivism (“the whole world”) and fatalism (“you can't escape fate”).

Keywords: phraseology, linguoculturology, social condition, Russian language, cultural stereotypes.

Фразеологизмы как маркеры культурных кодов активно изучаются в рамках лингвокультурологии. основополагающий вклад в рассмотрение этой проблематики внесли Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, которые в своей работе «Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного» предложили концепцию «фразеологического фона» языка. Авторы доказывают, что устойчивые выражения, такие как *мелкая сошка* или *белая кость*, кодируют не только социальные роли, но и исторически обусловленные стереотипы [1, с. 112–115]. Приведем пример: «*И это называется "сидеть на*

шее у государства”» [2]. В данном контексте фразеологизм *сидеть на шее* приобрел идеологически окрашенное значение, отражающее критику социального иждивенчества в рамках социалистической трудовой этики. В.Н. Телия в своем фундаментальном труде «Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» углубляет этот тезис, анализируя фразеологизмы через призму языковой картины мира. Если иметь в виду выражение «*Народ хочет знать, как выбиваются из грязи в князи*» [2], то здесь актуализируется архетип социального «взлёта», характерный для культуры, в рамках которой сословные границы формально сохранялись, но могли нарушаться через личные достижения [3, с. 89–94].

Современные исследования дополняют классические работы обращением к диахроническому подходу. Так, М.Л. Ковшова в коллективной монографии «Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход» прослеживает трансформацию фразеологизма *выйти в люди* [4, с. 115–117]. Если в XIX веке (например, у Н.В. Гоголя в «Мёртвых душах») он означал «достичь общественного признания через образование или богатство», то в советский период приобрел идеологический подтекст: «занять место в строю трудящихся». Аналогично этому выражение *пролетарское происхождение* стало маркером социального престижа, вытеснив дореволюционные формулы, такие как *столбовой дворянин* и под.

Фразеологизмы, как устойчивые языковые единицы, часто закрепляют иерархические отношения через метафоры пространства и движения, что позволяет не только описывать, но и концептуализировать социальные структуры. Например, высказывание «*Женат он был на Мари Леру, очевидно тоже крестьянке, но уже сын их – Николя Бенуа (1729–1813) успел значительно подняться по социальной лестнице*» [2] отражает линейное восприятие статуса, восходящее к средневековым представлениям о «лестнице чинов», где каждый шаг вверх символизирует достижение более высокого положения в обществе. Эта метафора, укоренившаяся в европейской культуре, подчеркивает стремление к прогрессу и успеху, а также предполагает, что социальный статус может быть измерен и систематизирован. Противоположно по смыслу следующее высказывание: «*Михаил поборо в себе брезгливость и отвращение, заставил себя спуститься на дно ямы*» [2]. Оно связано с маргинализацией, где «дно» метафоризирует социальную исключенность, потерю статуса и переход в категорию отверженных. Такая пространственная оппозиция – «верх» и «низ» – не только структурирует восприятие социальной иерархии, но и актуализирует бинарные оппозиции, характерные для культурного сознания, где движение вверх ассоциируется с успехом, а движение

вниз – с упадком. Эти фразеологизмы, таким образом, не только фиксируют социальные реалии, но и формируют определенные стереотипы восприятия, влияя на то, как общество интерпретирует успех и неудачу, включенность и исключенность, прогресс и регресс [5, с. 22–25].

Советская идеология активно переосмысливала дореволюционные языковые формулы, наполняя их новым классовым содержанием. Ярким примером стал фразеологизм *голубая кровь*, который в дореволюционной России обозначал аристократическое происхождение, восходя к испанскому выражению *sangre azul*. В классической литературе, от Пушкина до Чехова, он сохранял нейтральный или возвышенный оттенок, но в советскую эпоху, начиная с романа М. Горького «Мать», где аристократия изображалась как паразитический класс, выражение приобрело резко негативную коннотацию, став символом отжившего буржуазного мира. Этот семантический сдвиг был частью более широкого процесса переоценки дореволюционных ценностей, когда такие выражения, как *белая кость* или *барская спесь*, превращались в ругательные. Лингвистическая фиксация этих изменений отражена в «Фразеологическом словаре русского литературного языка» под редакцией А.И. Молоткова, где исторические значения маркируются как устаревшие, а актуальными признаются их классовые интерпретации. Таким образом, семантическая трансформация фразеологизма *голубая кровь* стала частью масштабного культурного проекта, направленного на искоренение старых ценностей и утверждение новых, соответствующих идеалам социалистического общества.

Уникальность русской фразеологии заключается в сложном переплетении христианских и языческих мотивов, что отражает многовековую историю формирования национального сознания. Ярким примером такого синтеза является выражение *нищий духом*, восходящее к Нагорной проповеди (Мф. 5:3), где оно изначально обозначало духовную скромность и смирение перед Богом [6]. Однако в современном русском языке это выражение часто приобретает иронический оттенок, высмеивая пассивность или чрезмерное смирение в социальном контексте. Этот семантический сдвиг, как отмечает М.Г. Луннова, является результатом длительного процесса переосмысления библейских образов в свете меняющихся культурных и социальных реалий [7, с. 42–44]. Таким образом, фразеологизм *нищий духом* не только сохраняет связь с христианской традицией, но и становится инструментом критического осмысления современности, демонстрируя, как религиозные мотивы адаптируются к новым условиям, сохраняя при этом свою актуальность и глубину.

Проведенное исследование демонстрирует, что русские фразеологизмы выполняют роль культурного зеркала, отражая исторические трансформации, идеологические сдвиги и ценностные ориентиры общества [8]. Синтез христианских и языческих мотивов (*нищий духом*), а также контраст с европейским индивидуализмом (*self-made man*) подчеркивают уникальность русской фразеологии как инструмента конструирования национальной идентичности, где жертвенность и покорность судьбе образуют смысловое ядро культурного кода.

Список литературы:

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 4-е. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.
3. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
4. Ковшова М.Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 115–120.
5. Опарина Е.О. Фразеология в контексте культуры: репрезентация культурных кодов во фразеологизмах и поговорках // Этнопсихоллингвистика. 2023. № 2 (13). С. 21–36.
6. Усольцев Д.Е. Заповеди блаженств (Мф. 5: 3–11): логико-семантический анализ // Библейские схолии. 2023. № 2 (5). С. 13–22.
7. Луннова М.Г. Библизмы в современном русском языке // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2008. № 13. С. 40–45.
8. Фэнпин С., Киселева Л.А. Особенности функционирования лексико-фразеологических предикатов со значением богатства / бедности в современном русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. Т. 31, № 1. С. 136–142.